

Т.А. ПУЧИНА
(Москва)

**ПРИХОДСКО-СЛОБОДСКАЯ
ЛОКАЛИЗАЦИЯ ГРУПП
СЛУЖИЛЫХ КАЗАКОВ В РАМКАХ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
ОСВОЕНИЯ НОВОЗЕМЕЛЬНЫХ
ТЕРРИТОРИЙ ЮГА РОССИИ
XVI–XVII вв.**

Рассмотрены исторические и социальные аспекты создания военной службы по «прибору» в Московском государстве второй половины XVI – середины XVII вв. Затронуты малоизученные в российской историографии вопросы формирования военно-служилой корпорации «государевых (городовых) казаков» в процессе государственной политики освоения южно-русских территорий. Также отмечены особенности существования новых городских сообществ южных земель.

Ключевые слова : военная «приборная служба», государева казачья служба, служилые казаки, новоземельные территории юга Московского государства, служилая слобода, социальная сплоченность.

Интерес к изучению трансграничных регионов обусловлен изменением подходов к сложившейся схеме «центр – периферия», «столица – провинция», «метрополия – колония». Современные исследователи рассматривают «пограничность», удаленность от центра не как характеристику культурной отсталости, а скорее как обладание дополнительными возможностями экономического и социокультурного развития [9].

Сохранилось немного источников о жизни провинциальных военно-служилых людей XVI–XVII вв. южнорусских степей. Изучение документов московских приказов о заселении и составе жителей пограничных городов Юга России показывает преобладающее количество служилых людей – «переведенцев», или «сведенцов», из других городов государства, причем людей, уже состоящих на государственной службе, а также переведенных в службу из других категорий населения (из крестьян, как правило, «черных» или монастырских земель, детей боярских, новокрещенных инородцев, иностранцев). Поступление их на государственную «приборную службу» означало качественное изменение соци-

ального статуса – интересы служилого человека государство охраняло путем нормативно-законодательной практики, финансовой и материальной поддержки, общими идеологическими установками – чтобы «служба государева не оскудела» и «государству ущерба не было».

Складывается и особый характер жизни (уклад жизни) сословной корпорации служилых людей пограничных территорий, имеющих отличия от жизни регионов центральной и северо-восточной частей Московского государства. Жизнь в условиях границы предполагала иную манеру поведения, нежели у земледельца и жителя центра страны. Главное отличие связано с милитаризацией (военизацией) обыденной повседневной жизни, а также со сложными процессами пограничных ассимиляций, взаимосвязей, заимствований. Милитаризация быта, по мнению А. Ахиезера, складывалась постепенно и «диктовалась историческим ходом вещей» [2, с. 708]. В новых условиях жизни создавалась культура автономии, которая имела особые свойства и формировала такие качества, как активность, самостоятельность, жизнестойкость. Экстремальные условия службы и бытовой жизни определили склад дружинного характера.

Однородный характер службы в «поле», постоянные переселения, передвижения, каждодневная необходимость совместной вооруженной борьбы с неприятелем, а более всего – внезапность нападения оказывали социально сглаживающее значение, что позволяет говорить о формировании единого социокультурного пространства южных пограничных городов, складывании местного городского сообщества, а с течением времени – об оформлении из военно-служилых групп общего типа южных регионов единой группы однодворцев как отдельной этнографической группы русского народа [7, с. 40].

Наше внимание обратили на себя представители одной из военно-служилых групп пограничных городов – казаки «государевой службы». Необходимо отделять провинциальных («городовых») служилых казаков от казаков вольных, «гулящих». Данная группа служилых людей относится к новому сословию «приборных служилых людей», появившемуся во второй половине XVI в. в Московском государстве в ходе военных реформ.

Правительство практиковало набор и расселение служилых казаков в городах погра-

ничных линий. К их числу относились города Заозко-Брянского и Тульского краев, Рязанской и Северской земель и вновь осваиваемых земель «Дикого поля». Во второй половине XVII в. сложилась система деления городов по географическому принципу: 8 «заозских» городов, южнее – 5 городов Севского полка и 6 городов Северской земли. Старые засечные линии образовывали «украинные» и «рязанские» города. Южнее располагались города в «черте» (16 городов Белгородского полка). Городами по «черте» считались 27 новопостроенных или восстановленных городов. За «чертой» находились Валуйки, Чугуев, Маяцкий, Палатов и свыше 20 мелких укрепленных фортов, крепостей и крепостиц. Во второй половине XVI в. было известно 50 новых городов разных «украин» (окаин), а для середины XVII в. исследователи указывают 254 города [1, с. 5].

Служилые люди, составлявшие на первых порах большинство населения таких городов, были связаны воинской дисциплиной, от них легче было требовать соблюдения регулярности в застройке. При этом возводилась за казенный счет сразу вся жилая застройка, с полной унификацией и стандартизацией усадеб и строений.

В 50-е гг. XVI в. в писцовых книгах стали фиксироваться данные о новых категориях служилых поселенцев – стрельцах-пищальниках, казаках, пушкарях, ямщиках. В 1552 г. писцовые книги пограничного Серпухова отмечали появление среди традиционного посадского населения города дворян ратных людей – казаков [24, с. 311–334]. Документы показывают, что это местные жители, поступившие в «казачью службу», которые проживали «всумес» (вразброс) с посадскими жителями – гончарами, кузнецами, иногда во дворах своих отцов или братьев [Там же, с. 314–316]. За «стенами города» в Сокольничей слободе села Сельцо была расселена небольшая группа в 13 казаков «во своих дворах», хотя планировалось разместить в Серпухове тысячный казачий «приказ». Видимо, вследствие малоземелья «старорусского» города эта идея была не реализована. В 1620 г. земли серпуховских казаков были выделены в слободу и «обелены» от налогов [Там же, с. 320].

В старых городах (Москва, Тула, Вязьма) деление на сотни и слободы сложилось задолго до XVII в. благодаря группировке ремесленников по профессиям, а также в связи с организацией городского ополчения. В летописях есть упоминания о расположении вокруг каменного Тульского Кремля слободских земель: «Донская» слобода, заселенная казака-

ми, выходцами с реки Дон, «Стрелецкая», «Казачья» и «Сторожевая» слободы [16].

Особенность города Вязьмы как пограничного военно-гарнизонного города – большое количество житниц как складочных хлебных мест, принадлежавших в том числе и служилым людям [4, с. 64]. Житницы располагались в острожной части города, и в них хранилось общинное станичное зерно на случай осады. Дворы же казаков разных станиц располагались за пределами острога – на Флоровской стороне в особой Казачьей слободе [Там же, с. 58].

В Боровске Казачья слобода была устроена на «порозжих» и выморочных землях по Можайской дороге. В 1619 г. в слободе числилось 45 человек с семьями [Там же, с. 80]. Они получали опустевшие за Смутное время дворы служилых людей разных чинов в разных частях города, не образуя отдельной слободы [13].

В период Ливонской войны была введена практика расселения приборных служилых людей на вновь присоединенных территориях «на вечное житье». Так, после удачного завершения Полоцкого похода 1562 г. в Полоцком повете (уезде) были поселены казаки Григорьева прибору Бурцова и Салтанаква прибору Елагина в количестве 50 человек [8, с. 465]. В городе Нешерде была устроена Казачья слобода на 400 человек прибора казачьего головы Макара Ляпунова сына Мисурского на Большой улице [8, с. 549].

К концу XVI в. наиболее обустроенными для жизни приборных служилых людей были города «Тульской украины». Декиловская приправочная книга 1588 – 1589 гг. [16, с. 1263–1299] показывает, что главнейшим населением города были ратные люди, число которых доходило до 500 человек, из них 376 казаков в трех слободах в 375 дворах на посаде. А всего жителей Декилова по писцовой книге этого периода – 690 человек. Данные переписи указывают на основательность жизни служилых казаков в городе [19, с. 155–161]: в острожной части города находились «клетные» места служилых людей, в том числе и казаков. Декиловские казаки Дергилевской и Луговой сотен отличились в военных экспедициях того времени и получили придаточные (добавочные) к основному окладу земли в уезде «за Азовскую и Черкасскую службу» – походы 1563 и 1565 гг.), постоянно проживали уже не в городе, а в уезде на своих землях [15; 27, с. 159].

Создавая в конце 60-х гг. XVI в. Епифанский уезд, князь И.Ф. Мстиславский использовал полученный в Декилове опыт земельно-

го обустройства и организации службы казаков. Однако, если в Дедилове казаки являлись одной из категорий служилых людей, то Епифанский уезд уже создавался как практически полностью служило-казачий [26].

Город Епифань, поставленный И.Ф. Мстиславским на своих частных землях, имел, кроме воеводы, казачьего сотника и 126 рядовых стрельцов, конных и пеших казаков в семи слободах, 7 сотников и 497 казаков рядовых (но всего казаков тут должно было быть ровно 700 человек – в этих слободах было еще 13 дворов пустых и 190 дворов, данных для казаков, которых еще надо прибрать). «А садились те казаки у князя Ивана Федоровича Мстиславского на льготе в 7075 году (1566 год), а льготы им дал князь Иван на 10 лет» [19, с. 155–161]. Каждая сотня центром слободы имела церковь и церковный двор с погостом. Слобода делилась на улицы и тупики, которые выходили к Дону. Правительство старалось максимально сосредоточить служилых одной группы вместе – например, из Шеверевой слободы сотни Гаврилы Андреева сына Романова были переселены 2 двора кожевников в черную слободу, а их места даны под казачьи дворы [14, с. 1592].

В городе Веневе слобода служилых казаков располагалась на государственной земле рядом с «заповедными» лесом и озером. Всего в Озеринской слободе города Венева «старых казаков 46 дворов, а старых и новых казаков в Озеринской слободе 100 человек» [22]. Обращает внимание то обстоятельство, что в Епифани и Веневе казачьи стольники и пятидесятники имели дворы уже в слободах среди своих сотен, а не отдельные усадьбы в городе или в уезде и правительство строго контролировало процесс размещения военных соединений в одном месте, наказывая за невыполнение приказа.

Казачья слобода города Пронска в 1596–1598 гг. располагалась в острожной (защищенной) части города. Из 425 ратных людей города по книгам числилось 235 казаков в трех слободах, а остальные – стрельцы в двух слободах: «Слобода Казачья служилых казаков, а в ней Ивановой сотне Харитоновой казачьих дворов 101 двор, а людей в них 103 человека. На той же слободе дворы казачья Дмитриевской сотни Молчанова, а в ней казачьих дворов 73, а людей в них тож <...> Сотня Ненаша Колышкина, а в ней двор сотника Ненаша Колышкина да казачьих дворов 56 а людей в ней тож» [18, с. 259–260].

По такому же приходско-слободскому принципу расселяло правительство донских казаков и большие группы «черкасов», пере-

шедших на службу к московскому правительству [21]. По челобитью донских атаманов М. Шлыка и Р. Дробыша «с товарищи 30 человек» правительство разрешило поселиться «на Ельце» отдельной слободой «за рекою Сосной под Лутовым болотом» на 100 человек [5]. Новые поселенцы получали хлебное и денежное жалование по своему челобитью и «селитбинные деньги» [Там же].

На воронежских землях обустроивались целые деревни и села служилых казаков – как переведенцев из других мест Московского государства, так и переселенцев из-за рубежей – черкасы и малороссы. Здесь в состав служилых казаков правительство включает и отдельные группы иноверцев – мордвы, мешеры, нагайских татар. Историки-краеведы подчеркивали, «что особенно много было в Воронежском крае казаков из туземных татар Ногаев, принявших крещение и водворившихся среди русских» [23, с. 78]. По мнению знатока воронежского края Л.Б. Вейнберга, ядром воронежских служилых казаков стали переведенцы из рязанских земель – касимовские татары [3, с. 3].

Позднее всех заселялся и осваивался Тамбовский край. Хотя документы указывают, что «шачские сторожилые и полковые казаки и пушкарки промеж себе исстари владели Верхоченской волостью» («А слободы на посаде около того города поселены сведенцами из Шатского города, из Переславля Рязанского, из Коломны, разных городов сведенцами») [11, с. 5]. В состав тамбовских служилых людей записывались выходцы с Дона и Запорожской Сечи. Так, в 1636 г. в слободу на Кузьминой Гати переехали на постоянное место жительства 45 донских казаков и атаманов. Отдельной слободой на Лысых Горах поселились выходцы с Дона. Запорожские казаки селились в особой Панской слободе г. Тамбова и только во второй половине XVII в. слились с полковыми казаками [6; 12].

Новоземельные города южной степной зоны XVII в. строились в соответствии с потребностями государства, прежде всего военными [17, с. 22]. Расширение и освоение новых территорий южнорусских степей считалось делом государственным и геополитически важным. Отличительными признаками нового военного города были заранее предусмотренное деление на специальные военные слободы и отсутствие посадской общины [28, с. 165]. Новопостроенные города южной степной зоны в 30–60-е гг. XVII в. были городами «сельского типа» [Там же, с. 168]. Служилые казаки дворное строительство практиковали по типу сельского поселения – крестьянская

усадьба («двор», по терминологии XVII в.). Усадьба служилого человека состояла из собственно двора — огороженного участка с важнейшими постройками, овощного огорода и огуменника — участка для хранения и первичной обработки (молотьбы и др.) урожая зерновых культур. По мнению А.А. Шенникова, именно «огуменник» характеризует сельскую составляющую новоземельных городов: «И тот новый город Коротояк устроен в угрожем месте и в крепком у лесу и у воды и от приходу воинских людей стал тот новый город к заступлению. И в степь с того нового города Коротояка за реку за Дон на Ногайскую сторону видит далеко верст на двадцать и больше, а за реку за Тихую сосну на Крымской стороне в степь видит с того нового города верст с 15 и больше» [10, с. 1880].

Коротоякская строенная книга 1647 г. сохранила подробные данные и описания города и свидетельствует о наметившемся планомерном подходе к строительству: «Да в том новом городе устроены осадными дворами для осадного времени коротоякские служилые люди дети боярские, казаки и стрельцы и пушкарри разных городов переведенцы 500 человек» [Там же, с. 1884]. Традиционно в остроге Коротояка были поставлены осадные дворы служилых людей разных служб. Слободы были устроены с трех сторон от города. Переведенцы из других мест были расселены по слободам компактными группами — «переведенцы» — «ефремовские» казаки, «талечане», «лебедянцы» и «еписфанские» казаки. Слободы заранее планировались на определенное количество человек — ровно по 150 человек в каждой.

В отличие от старых городов, имеющих радиально-кольцевое расположение, улицы новых городов прямые и одним концом своим обязательно выходят к реке. А.А. Шенников считал этот способ строительства характерным для всего южнорусского региона, в том числе для городков донских казаков [28].

«Да соборным попом Воскресенскому большому 2 рубли, другому попу да дьякону по рублю человеку. Дьячку да понаморю да проскурнице по полтине человеку. Успенъ пречистые богородицы одному попу рубль, а другому попу Семену рубль дан на Москве, успенскому дьячку да понаморю да проскурнице полтину. И всего ружником 7 рублей с полтиной» [25, с. 356].

Как и в старорусских городах, обязательным было выделение места под церковь и погост при строительстве новых городов. В состав новопоселенцев входили «ружные попы»,

состоящие на службе в Разряде*. Разряд посылал оборудование для вновь построенных церквей городов. Разряд ведал не только строительством городов, но и духовной жизнью новопоселенцев.

Общий тип слободского расселения также соответствовал сельскому расселению по типу «прихода» — приходская церковь с дворами духовенства и кладбищем. Тут же жили в избышках (кельях) нищие. Нередко они организовывались в монастырь, не подчиненный центральным церковным властям и служивший фактически богадельней для отставных служивых людей. Большая часть поселенцев (стрельцы, городовые казаки, солдаты и др.) вначале имела осадные дворы в крепостях и зимние усадьбы в примыкавших к ним слободах, а при дальних полях в уездах — лишь летние станы. Со временем наметилась тенденция переселения служилых городских слобод-приходов в уезды, ближе к пашенным и сенокосным землям.

Применительно к новоземельным территориям южнорусских степей на этапе колонизации местные служилые сообщества изначально складывались дихотомично: на основе, с одной стороны, корпоративного принципа организации службы, включенного в общую структуру «служилого города», с другой — традиционной системы общинного устройства «гражданского мира». В условиях не обустроенности на новом месте, когда нужно было заново строить поселение, осваивать «дикие» земли, возводить укрепления для обеспечения безопасности, чувство коллективизма, сопричастности играло первостепенную роль. Разные социальные слои объединялись общностью проживания в одной местности, общими интересами и нуждами. Социальная сплоченность местного сообщества становилась условием стабильного развития нового города. Нивелировке социальной стратификации на местном уровне способствовало создание территориально-конфессиональных объединений — церковных приходов, объединявших жителей слободы, где находился храм, и приписанных к ним деревень.

Таким образом, приходско-слободская форма расселения может рассматриваться как форма организации жизни местного сообщества служилых людей пограничных городов. Основной их бытовой жизни стала культура детей бо-

*Приходы служилых городов «Тульской украинь» также получали «ругу» из царской казны «за совершение царского богомолия»: в XVII в. — из Приказа Большого дворца, в XVIII в. — из таможенных доходов [20, с. 156].

ярских московских городов (великорусская). Приходско-слободская форма сохраняла на новых территориях традиционные формы общественной жизни, стала средством социокультурной унификации местных сообществ и их связи с остальными жителями страны.

Литература

1. Алферова Г.В. Русские города XVI–XVII вв. / Ин-т истории РАН СССР. М. : Стройиздат, 1989.
2. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М. : Нов. изд-во, 2005.
3. Вейнберг Л.Б. Материалы по истории г. Острогжска. Акты XVII и XVIII вв. Воронеж, 1886.
4. Вяземские писцовые книги князя И.Ф. Волконского 1627 года / собрал И. Виноградов. Вязьма, 1883.
5. Грамота по челобитной донских атаманов М.А. Шлыкова и Р. Дробышева о выдаче им жалования, разрешения построить острог вокруг слободы под Лутовым болотом и набрать на службу новых казаков // Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 гг. № 102. 1592/93. Елец, 2001.
6. Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 6. Тамбов, 1897.
7. Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Спб., 1913.
8. Книга границам города Полоцка и Полоцкого повета с соседними поветами // Писцовые книги XVI века. Изд. Императорского Русского географ. о-ва. Ред. Н.В. Калачов. Отделение II. Спб., 1877.
9. Кучинская Т.Н. Трансграничный регион как форма социокультурного пространства: в поисках когнитивной модели исследования [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 6. URL : <http://www.science-education.ru/100-5045>.
10. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний / собр. Л.Б. Вейнбергом. Воронеж : Типо-Литография губернского правления, 1890. Вып. XVI.
11. Материалы, относящиеся к истории Тамбовского края по документам МАМЮ. Вып.1, г. Тамбов и его уезд / сост. И.Н. Николаев. Тамбов, 1884.
12. Мезис Ю.А. Из истории заселения Тамбовского края. Воронеж, 1988.
13. Осипов В.И. Опыт локализации слобод и границ Боровска в XVII в. // Материалы Боровских чтений (Археология, история, краеведение). Боровск, 1988. С. 11–20.
14. Писцовая книга 7080 (1571–1572) письма и меры князя И.В. Мосальского да Г. Яряева с товарищи // Писцовые книги XVI века. Изд. Императорского Русского географ. общества. Ред. Н.В. Калачов. Отделение II. Спб., 1877.
15. Писцовые книги Рязанского края XVI–XVII вв. Под ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань, 1897.
16. Писцовые книги XVI века. Изд. Императорского Русского географического общества. Ред. Н.В. Калачов. Отделение II. Спб., 1877.
17. Платонов С. К истории городов и путей на южной окраине Московского государства в XVI веке // Журн. М-ва нар. просвещения. 1898. Март.
18. Приправочные книги города Пронска да Каменского стана по письму и мере Третьяка Григория Вельяминова с товарищи лета 7105 (1596) – 7106 (1598) гг. // Писцовые книги Рязанского края XVI–XVII вв. Под ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань, 1897. С. 259–260.
19. Приправочные книги Деделова посаду и Деделовского уезда письма и меры Окольничаго Ивана Алексеевича Жеребцова, да Тимофея Ивановича Хлопова, да дьяка Ивана Мещаева, да подъячего Казарина Приклонского, лета 7096 и 7097 гг. // Писцовые книги XVI века. Изд. Императорского Русского географического общества. Ред. Н.В. Калачов. Отд. II. Спб., 1877. С. 155–161.
20. Приходы и церкви Тульской епархии. Извлечения из церковно-приходских книг / сост. П.И. Малицкий. Тула : Тип. Н.И. Соколова, 1895.
21. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 гг. Елец, 2001.
22. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп.1. Ед. хр. 223. Л. 418.
23. Скиада М.М. Историко-статистические очерки Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1861 г. Воронеж, 1861.
24. Сотная Серпуховская князя В.С. Фуникова 1552 год // П. Симсон. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественной историей. М., 1880.
25. Указная грамота 1593 года на Елец И.Н. Мясному с различными распоряжениями // Г.Н. Анпилов. Новые документы о России конца XVI – начала XVII вв. М. : МГУ, 1967.
26. Фомина Н.К. К вопросу заселения Тульского края в XVI веке // Материалы Историко-археологических чтений памяти Н.И. Троицкого. Тула, 1997.
27. Чечулина Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. Спб., 1889.
28. Шенников А.А. Очерки Русской культуры XVII века. Ч. 1. М., 1979.

* * *

1. Alferova G.V. Russkie goroda XVI–XVII vv. / In-t istorii RAN SSSR. M. : Stroyizdat, 1989.

2. Ahiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo? M. : Nov. izd-vo, 2005.

3. Veynberg L.B. Materialyi po istorii g. Ostrogozhzhska. Aktyi XVII i XVIII vv. Voronezh, 1886.
4. Vyazemskie pistsovyie knigi knyazya I.F. Volkonskogo 1627 goda / sobral I. Vinogradov. Vyazma, 1883.
5. Gramota po chelobitnoy donskih atamanov M.A. Shlyikova i R. Drobyisheva o vyidache im zhalovaniya, razresheniya postroit ostrog vokrug slobodyi pod Lutovym bolotom i nabrat na sluzhbu novyih kazakov // Rossiyskaya krepost na yuzhnyih rubezhah. Dokumenty o stroitelstve. Eltsa, zaselenii goroda i okrestnostey v 1592–1594 gg. № 102. 1592/93 Elets, 2001.
6. Dubasov I.I. Ocherki iz istorii Tambovskogo kraja. Vyip. 6. Tambov, 1897.
7. Zelenin D.K. Velikorusskie govoryi s neorganicheskim i neperehodnyim smyagcheniem zadnenednyih soglasnyih v svyazi s techeniyami pozdneyshy velikorusskoy kolonizatsii. Izdanie Otdeleniya russkogo yazyika i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. Spb., 1913.
8. Kniga granitsam goroda Polotska i Polotskogo poveta s sosednimi povetami // Pistsovyie knigi XVI veka. Izd. Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo o-va ; red. N.V. Kalachov. Otdelenie P. Spb., 1877.
9. Kuchinskaya T.N. Transgranichnyiy region kak forma sotsiokulturnogo prostranstva: v poiskah kognitivnoy modeli issledovaniya [Elektronnyiy resurs] // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. 2011. № 6. URL : <http://www.science-education.ru/100-5045>
10. Materialyi po istorii Voronezhskoy i sosednih guberniy / sobr. L.B. Veynbergom. Voronezh : Tipolitografiya gubernskogo pravleniya, 1890. Vyip. HVI.
11. Materialyi, otnosyaschiesya k istorii Tambovskogo kraja po dokumentam MAMY. Vyip.1, g. Tambov i ego uezd / sost. I.N. Nikolaev. Tambov, 1884.
12. Mezis Yu.A. Iz istorii zaseleniya Tambovskogo kraja. Voronezh, 1988.
13. Osipov V.I. Opyit lokalizatsii slobod i grants Borovska v XVII v. // Materialyi Borovskih chteniy (Arheologiya, istoriya, kraevedenie). Borovsk, 1988. S. 11–20.
14. Pistsovaya kniga 7080 (1571–1572) pisma i meryi knyazya I.V. Mosalskogo da G. Yartseva s tovarischi // Pistsovyie knigi HVI veka / Izd. Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo o-va ; red. N.V. Kalachov. Otdelenie P. Spb., 1877.
15. Pistsovyie knigi Ryazanskogo kraja HVI–XVII vv. Pod red. V.N. Storozheva. Ryazan, 1897. T. 1. Vyip. 1.
16. Pistsovyie knigi HVI veka. Izd. Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo o-va ; red. N.V. Kalachov. Otdelenie P. Spb., 1877.
17. Platonov C. K istorii gorodov i putey na yuzhnoy okraine Moskovskogo gosudarstva v HVI veke // Zhurn. M-va nar. prosvescheniya. 1898. Mart.
18. Pripravochnyie knigi goroda Pronska da Kamenskogo stana po pismu i mere Tretyaka Grigoriya Velyaminova s tovarischi leta 7105 (1596) – 7106 (1598) gg. // Pistsovyie knigi Ryazanskogo kraja HVI–XVII vv. Pod red. V.N. Storozheva. T. 1. Vyip. 1. Ryazan, 1897. S. 259–260.
19. Pripravochnyie knigi Dedelova posadu i Dedilovskogo uезда pisma i meryi Okolnichago Ivana Alekseevicha Zherebtsova, da Timofeya Ivanovicha Hlopova, da dyaka Ivana Meschaeva, da pod'yachego Kazarina Priklonskogo, leta 7096 i 7097 gg. // Pistsovyie knigi HVI veka. Izd. Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo o-va ; red. N.V. Kalachov. Otdelenie II. Spb., 1877.
20. Prihodyi i tserkvi Tulskey eparhii. Izvlecheniya iz tserkovno-prihodskih knig / sost. P.I. Malitskiy. Tula : Tip. N.I. Sokolova, 1895.
21. Rossiyskaya krepost na yuzhnyih rubezhah. Dokumenty o stroitelstve Eltsa, zaselenii goroda i okrestnostey v 1592–1594 gg. Elets, 2001.
22. Rossiyskiy gosudarstvennyiy arhiv drevnih aktov. F. 1209. Op.1. Ed. hr. 223. L. 418.
23. Skiada M.M. Istoriko-statisticheskie ocherki Voronezhskoy gubernii // Pamyatnaya knizhka Voronezhskoy gubernii na 1861 g. Voronezh, 1861.
24. Sotnaya Serpuhovskaya knyazya V.S. Funikova 1552 god // P. Simson. Istoriya Serpuhova v svyazi s Serpuhovskim knyazhestvom i voobsche s otechestvennoy istoriey. M., 1880.
25. Ukaznaya gramota 1593 goda na Elets I.N. Myasnomu s razlichnyimi rasporyazheniyami // G.N. Anpilogov. Novyye dokumenty o Rossii kotsa HVI – nachala HVII vv. M. : MGU, 1967. S. 356.
26. Fomina N.K. K voprosu zaseleniya Tulskey kraja v HVI veke // Materialyi Istoriko-arheologicheskikh chteniy pamyati N.I. Troitskogo. Tula, 1997.
27. Chechulina N.D. Goroda Moskovskogo gosudarstva v HVI veke. Spb., 1889.
28. Shennikov A.A. Ocherki Russkoy kulturyi XVII veka. Ch. 1. M., 1979.

Parish localization of the groups of service class Cossacks within the official policy of new land territories developing of the south of Russia in the XVI–XVII centuries

There are considered the historic and social aspects of the military service in the Moscow State of the second half of the XVI – middle XVII centuries. There are touched upon the insufficiently explored issues of formation of the military and service class corporation of “sovereign Cossacks” in the process of the official policy of new land territories developing. There are noted the peculiarities of functioning of new sovereign communities of southern lands.

Key words: *military instrument service, sovereign Cossack service, guard Cossacks, new land territories of the south of the Moscow State, service class village, social solidarity.*

(Статья поступила в редакцию 24.03.2014)